

ТРОИЧНЫЙ ОБРАЗНЫЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ

С. И. Доброва

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 22 мая 2023 г.

Аннотация: статья посвящена комплексному исследованию троичного образного параллелизма на материале текстов различных фольклорных жанров: обрядовых и необрядовых песен, исторических песен, причитаний, баллад, заговоров и заклинаний, пословиц и поговорок, былин, частушек, загадок, примет, быличек и бывальщин, сказок и др. Впервые выявлены идентификационные маркеры, критерии классификации, разработана типология разновидностей, определены семиотический статус, эволюционно-генетический статус, характер порождающей способности и жанровая специфика исследуемой структурно-семантической модификации приёма.

Ключевые слова: язык фольклора, образный параллелизм, троичный образный параллелизм, эволюция художественных форм фольклора, эволюционно-генетическая модель развития образного параллелизма

Abstract: the article is devoted to the complex research of the ternary figurative parallelism of macro and microcosms on the material of texts of different folklore genres: ritual and non ritual songs, folk songs, laments, ballads, conspiracies and spells, proverbs and sayings, bylinas, ditties, riddles, omens, bylichkas and byvalshchinas, fairy tales and others. For the first time identification markers, classification criteria were identified, the varieties typology was elaborated, semiotic and evolutionary-genetic statuses, the nature of the generating capacity and genre specification of studied structural-semantic modification of the reception were defined.

Keywords: folklore language, figurative parallelism, ternary figurative parallelism, evolution of artistic forms of folklore, evolutionary-genetic theory of figurative parallelism development.

Концептуальный фундамент троичного образного параллелизма составляет культурная семантика категории троичности, которая в различных аспектах исследуется в трудах Е. Б. Артеменко, Ю. М. Лотмана, В. Я. Проппа, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, С. М. Толстой, А. Т. Хроленко, И. П. Черноусовой, М. Элиаде [1–9] и др. ученых. О. Н. Трубачев анализирует троичность через призму славянских архаизмов мышления [5]. Определены важные для праславянского мышления элементы троичности: три уровня мирового дерева, бог Триглав, три сына в фольклоре; тризна как обряд поминовения усопших от три или *trizъ; трехгодовалое животное или три вида животных, которые приносились в жертву. В. Н. Топоров, исследуя семантику троичности (слав. *trizna и др.), приходит к выводу, что троичность объединяет аспекты дифференцированности и целостности, характеризует базовую архитектуру вещей, моделирует атрибуты вертикальной структуры мира: «верх-небо — огонь, боги, будущее; середина-земля — земля (стихия), люди, настоящее; низ-подземное царство — вода, покойники, прошлое» [10, 13–14]. Категория троичности уходит от сингулярности / собирательности, от двойственности как следствия природной симметрии и первой возможности к размножению. Третий отражает

преодоление древней ограниченности в исчислении и бытии. Два статических начала образуют треть, пребывающее в динамике, переход к которому знаменует подъем по шкале ценностей. Троичность как сакральный код русской жизни воплощается в триединстве Бога, в многочисленных русских пословицах («с три короба», «в три ручья», «в три погибели», «в три листа», «трое дерутся, третий не лезь», «тридцатое царство-государство»), художественных образах (В. Васнецов «Три богатыря», В. Перов «Тройка») и др. Сказочная картина мира в призме количественного кода исследована В. Я. Проппом, И. П. Черноусовой [3; 8]. Количественный код находит воплощение в названии страны, куда отправляется герой-искатель за сказочными ценностями: невестой, чудесными предметами и сакральной информацией. Формула «за тридевять земель, в тридесятом царстве, в тридевятом государстве» является средством репрезентации концепта иной мир и обозначает «мифическое царство мертвых» [8, 12].

Сущность троичности в языке фольклора определяется ее разнотелными макро- и микрокосмическими измерениями: рождение — развитие — смерть; появление — наличие — исчезновение; смерть — жизнь — бессмертие; широта — долготы — глубина; прошлое — настоящее — будущее; порядок — беспорядок — хаос; тезис — антитезис — син-

тез; мир — война — перемирие и др. В универсуме троичность означает полноту объекта, воссоздает универсальную гармонию материи и духа, человека и природы, неба и земли, устремленных к Богу как конечной и высшей цели. Троичность как количественный параметр образного параллелизма также получает обоснование в идее Ч. Пирса о функционировании законов природы и человеческого духа в одной и той же системе и на основе одних и тех же принципов [11], идее квалификации количества как основы качества, идее символического динамизма и порождающей способности чисел.

Художественные принципы организации конструкций с троичной разновидностью синтаксического параллелизма, в том числе в составе обращений, состоящих из троекратного повторения имени предмета или явления, варьированного посредством уменьшительно-ласкательного суффикса и прибавления эпитета, на материале русской народной лирической песни выявлены И. А. Оссоветским [12, 483–486], особенности их структурной организации определены Е. Б. Артеменко [1, 64–65]. Тем не менее в концептуально-содержательном плане исследованный учеными языковой материал не является однородным, воплощается в фольклорном тексте на материале образов параллельных миров и служит матрицей структурообразования троичного образного параллелизма.

Троичный образный параллелизм впервые квалифицирован и подвергнут комплексному анализу на материале текстов различных фольклорных жанров: обрядовой и необрядовой песни, заговоров и заклинаний, пословиц и поговорок, былин, частушек, загадок, примет, быличек и бывальщин, сказок и др., что определяет **актуальность** работы. **Материалом исследования** послужила авторская коллекция аккумулированных сплошной выборкой из устно-поэтических произведений конструкций образных параллелизмов, извлеченных из авторитетных сборников М. К. Азадовского, Т. А. Агапкиной, В. П. Аникина, Л. А. Астафьевой, А. М. Астаховой, А. Н. Афанасьева, Е. В. Барсова, А. Ф. Гильфердинга, В. И. Даля, П. В. Киреевского, С. Г. Лазутина, Л. Н. Майкова, В. Н. Мансикки, В. В. Митрофановой, Б. Н. Путилова, Н. И. Савушкиной, Д. Н. Садовникова, Ф. М. Селиванова, А. Н. Стрижева, А. Л. Топоркова, В. И. Чернышева и др.

Троичный образный параллелизм, или **образный параллелизм в его троичной модификации**, — структурно-семантическая модификация образного параллелизма [13], конституируемая тремя синтаксически подобными компонентами — моно- или полипредикативными единицами или однофункциональными членами монопредикативной единицы, в которой компоненты приема представлены образами параллельных макро- и микромиров: первые два (реже — только первый) — образами одного мира, а третий (более распространенный) — образами другого мира.

Троичный образный параллелизм имеет ряд **идентификационных маркеров**, по которым указана структурно-семантическая модификация квалифицируется в фольклорном тексте: наличие трех синтаксически подобных компонентов, контактное расположение компонентов в составе линейной или линейно-вертикальной конструкции, воплощение компонентов на материале образов параллельных макро- и микромиров.

Эволюционно-генетический статус исследуемой модификации приема определяется тем фактом, что троичный образный параллелизм имеет в эволюционной цепи развития исследуемой художественной формы ряд специфических воплощений. **В семиотическом плане** образный параллелизм во всех без исключения случаях представляет собой триадированное построение: **семиотический статус** троичного образного параллелизма детерминирован объективацией в его структуре латентной классической триадированной семиотической вертикали приема в составе гипертемы параллельного построения и двух ее символических воплощений — макро- и микрокосмического [14]. В бытине троичный образный параллелизм в сфере человеческого микрокосма «**человек — сила — сердце**» представлен экспликацией гипертемы (*рассердился Васильюшка Захарович*) и ее бинарного символического воплощения в двух рядах параллельных образов внешней и внутренней ипостасей человека «*расходилась сила — рассердилось сердце*»: «**Рассердилсе тут Васильюшка Захарович, / Рассердилось тут его ретиво сердце, / Расходилась сила богатырская**» [15, 66]. **В структурно-семантическом плане** троичный образный параллелизм реализуется в следующих модификациях: в экспликации трех компонентов (гипертемы и двух параллельных рядов образов); в имплицитном выражении гипертемы и экспликации двух параллельных рядов образов; в имплицитном или эксплицитном выражении гипертемы и экспликации двух параллельных рядов образов тремя компонентами, два из которых представляют один параллельный мир, третий — другой мир; в стереоскопическом совмещении образных параллелизмов с гипертемой означивания явления и гипертемой означивания связи явлений, которое объективирует эволюционное преобразование образной диады в образную триаду.

Троичный образный параллелизм типологизируется **по ряду критериев**.

По характеру корреляции миров дифференцированы троичный образный параллелизм макро- и микромиров: в балладе «*голубки — девушки — подружки*» «Пошел-то вор Янька / К девушкам голубкам, / Устиньиным подружкам» [16, 157]; в лирической песне троичный параллелизм образов макромиров «*бабочки — еловы палочки — шары*» «Поиграй с ребятами, / [Да] во шары, во бабочки, / во еловы палочки»

[17, № 62]; в заговоре троичный параллелизм образов микромиров «девица — тоска — чаровница» «...в ней лежит красная девица, тоска-чаровница» [18, № 248].

По структурным основаниям частей троичного образного параллелизма дифференцирован синтаксический параллелизм поли- и монопредикативных единиц, однофункциональных частей монопредикативной единицы; а также классические, трансформированные и формализованные структурно-семантические модификации приема [13], реализованные на основе троичного образного параллелизма.

Троичный параллелизм, компоненты которого конституируются *поли- или монопредикативными единицами*, является структурообразующей матрицей *классического образного параллелизма* или его *трансформированных модификаций*. Классический троичный образный параллелизм в тексте загадки структурируется полипредикативными единицами с сочинительной связью: «*Не куст, а с листочками, / не рубашка, а сшита, / не человек, а рассказывает.*— Книга» [19, 99, № 403]; в былине монопредикативными единицами: «*Добрый молодец туда не проезживал, / Ясен сокол туда не пролётывал, / Добрый молодец туды не прохаживал*» [20, 48]. Содержательная трансформация троичного образного параллелизма конституируется в тексте загадки полипредикативными единицами с подчинительной связью: «*Кабы я встала, До неба достала, Кабы руки да ноги, Я бы вора связала, Кабы рот да глаза, Я бы все рассказала.*— Дорога» [21, 161]; в лирической песне монопредикативными единицами: «*Кому деньги, кому платя, / Кому Катинька-душа!*» [22, № 1686]. Троичный образный параллелизм, который конституируется *однофункциональными членами монопредикативной единицы*, квалифицируется как *формализованная модификация приема*: в быличке «*Выпили они, чашку отнял, а ни старика, ни чашки, ни водки нет*» [23, № 137].

По характеру локализации компонентов в границах приема троичный образный параллелизм демонстрирует отсутствие четких закономерностей, выявляющих зависимость позиции компонента от его принадлежности к образам макро- или макрокосмических миров, от способа его амплификации, а также от комбинаторики одного или двух компонентов каждого из параллельных миров в составе триадированной конструкции. Свободный характер локализации макро- и макрокосмических образов в их различных структурных репрезентациях объясняется симметричной связью разносубстанциональных параллелей с единой для них гипертемой.

По характеру и моделям амплификации частей дифференцированы «чистый» и амплифицированный троичный образный параллелизм.

«**Чистый**» троичный образный параллелизм, не осложненный амплификацией частей, состоит из трех компонентов, каждый из которых в результа-

те сжатия редуцируется до **однословной** конструкции, демонстрирует формализацию приема, в границах которой проходит свой путь от сопоставления картин к сопоставлению отдельных реалий (и/или их признаков) [13, 127]: в былине «*солнышко — Владимир — князь*» «*Здравствуй, солнышко Владимир-князь!*» [20, 49].

Амплификация троичного образного параллелизма воплощает особый этап эволюции художественной формы и осуществляется **по двум основным векторам**: амплификация одного или двух компонентов приема, блочная амплификация каждого из трех компонентов.

Основными **способами амплификации** компонентов троичного образного параллелизма в границах приема являются тавтологический повтор лексемы или групп лексем; ввод тавтологического эпитета; повтор в сочетании с варьированием морфемного состава опорной лексемы путем прибавления приставок, уменьшительно-ласкательных суффиксов; варьирование путем сочетания опорной лексемы с местоименным дублированием и различного рода компонентами с атрибутивной семантикой (в составе атрибутивных пар — конструкций с приложениями и конструкций с эпитетами-прилагательными) и/или компонентами с количественной семантикой, в том числе в составе ассоциативных и счетных рядов.

Первый вектор распространения компонентов троичного образного параллелизма проявляется в **амплификации одного или двух компонентов приема**: в заговоре «*Кровь — яровица, красная девица*, поиграла, пошутила на белом камушку...» [18, № 63]; в примете «*Маньяки — белые пути — падающие звезды*» [24, 311]; в пословице в составе обращения «*Ой вы, матери-келейницы, сухопарыя сиди-домицы!*» [25, 30].

Второй вектор распространения компонентов троичного образного параллелизма проявляется в **блочной амплификации каждого из трех компонентов приема**, при этом третий компонент, как правило, также построен по принципу троичного образного параллелизма. Модели блочной амплификации отличаются разнообразием способов ее осуществления и их комбинаторики: в балладе «*Красота ли ты моя, красочка! / Ох ты счастье ли мое, счастьеце! / Талану-участи доля горькая!*» [16, 128]; в сказке «*Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде*» [26, № 171].

Статус троичного образного параллелизма в эволюционно-генетической теории развития приема детерминирован его пластичностью и динамичностью [1, 119], а также **высокой порождающей способностью**. Структурно-семантическая основа троичного образного параллелизма в силу действия **кумулятивного эффекта эволюции** продуцирует разнообразные структурно-семантические модификации приема: образные параллелизмы-пе-

речни в их триадированном составе в примете «Если облака на небе разбиваются и принимают разные фигуры — человека, зверя, дерева и т.п., то будет хорошая погода» [24, 398]; параллелизм представлений-репрезентаций сверхъестественного персонажа с его триадированной визуализацией в параллельных образах в быличке «черная кошка — человек — бабка-колдунья» «Дедушка Ваня погнал на луг пасти лошадей. За ним всю дорогу бежала черная кошка. Когда дед Ваня увидел кошку, слез с повозки и решил привязать ее за колесо тележки. А она оказалась не кошкой, а человеком. Это была бабка-колдунья» [27, 31, № 42] и др.

По текстообразующему статусу троичный образный параллелизм дифференцирован с учетом реализации гипертем с означиванием явлений или означиванием связи явлений в энигматических и приметных текстах [14]. Троичный образный параллелизм эволюционирует в результате совмещения параллелизмов с гипертемами означивания явлений и связи явлений, объективирует преобразование образной диады в образную триаду [28]: в загадке «натурфакт — человек = сверхъестественный персонаж» — «лес, трава — человек = леший» «Лесом идет — с лесом ровен, / Травой идет — с травой ровен, / С человеком идет — с человеком ровен. — Леший» [29, № 1892].

Троичный образный параллелизм выявлен во всех фольклорных жанрах и представляет собой общежанровую фольклорную модификацию приема, обладающую свойствами универсальности: реализуется в различных частях фольклорного текста на разных этапах эволюции его художественных форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменко Е. Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации / Е. Б. Артеменко. — Воронеж: ВГУ, 1977. — 160 с.
2. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман // Символ в системе культуры. — М.: «Языки русской культуры», 1996. — 464 с.
3. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Л.: Лениздат, 1986. — 415 с.
4. Топоров В. Н. Числовой код в заговорах. По материалам сборника Л. Н. Майкова «Великорусские заклинания» / В. Н. Топоров // Заговорный текст. Генезис и структура. М., Индрик, 2005. — С. 194–246.
5. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования / О. Н. Трубачев. — М.: Наука, 2003. — 495 с.
6. Толстая, С. М. Город Иерусалим, гора Сион и царь Давид / С. М. Толстая // Образ мира в тексте и ритуале. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — С. 138–150.
7. Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни / А. Т. Хроленко. — Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1981. — 164 с.
8. Черноусова И. П. Фольклорно-языковая картина мира в призме лингвокультурных кодов (на материале русских волшебных сказок и былин): монография / И. П. Черноусова. — Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. — 151 с.
9. Элиаде М. Космос и История. Избранные работы. / М. Элиаде. — М.: Прогресс, 1987. — 312 с.
10. Топоров В. Н. К семантике троичности (слав. *trizna и др.) / В. Н. Топоров // Этимология, 1977. — М.: Наука, 1979. — С. 3–21.
11. Peirce Ch. S. Elements of Logic / Ch. S. Peirce // Collected papers. — Vol. II. — Cambridge (Mass): Harv. Univ. Press, 1965. — 535 p.
12. Оссовецкий И. А. Стилистические функции некоторых суффиксов имен существительных в русской народной лирической песне / И. А. Оссовецкий // Труды Института языкознания АН СССР. — Т. 7. — М., 1957. — С. 468–505.
13. Доброва С. И. Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия: монография / С. И. Доброва. — Воронеж: ВГПУ, 2004. — 175 с.
14. Доброва С. И. Эволюция семиотических основ образного параллелизма макро- и микрокосма в фольклорном тексте / С. И. Доброва // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2022. — 2 (45). — с. 94–113. — Режим доступа: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4435/ (дата обращения: 01.05.23).
15. Былины Печоры и Зимнего берега: (новые записи) / изд. подгот. А. М. Астахова. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1961. — 608 с.
16. Народные баллады. Вступ. ст, подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова; общ. ред. А. М. Астаховой. — М.; Л.: Советский писатель, 1963. — 449 с.
17. Русские народные песни Поволжья. — Вып. 1. — М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. — 196 с.
18. Русские заговоры / Сост. предисл. и примеч. Н. И. Савушкина. — М.: Пресса, 1993. — 368 с.
19. Рыбникова М. А. Загадки / М. А. Рыбникова. — М.-Л.: Академия, 1932. — 488 с.
20. Былины Печоры и Зимнего берега: (новые записи) / изд. подгот. А. М. Астахова. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1961. — 608 с.
21. Капица Ф. С. Русский детский фольклор: Учебное пособие для студентов вузов / Ф. С. Капица, Т. М. Колядич. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 320 с.
22. Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Под ред. Акад. В. Ф. Миллера и проф. М. Н. Сперанского. — М.: О-во любителей рос. словесности при Моск. Ун-те, 1911–1929. — Вып. I–II. — Вып. II, ч. 1: Песни необрядовые. — М., 1917. — 125 с. — Вып. II, ч. 2: Песни необрядовые. — М., 1929. — 389 с.
23. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и авт. коммент. О. А. Черепанова. — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. — 209 с.
24. Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. В 4 томах. — СПб.: тип. А. С. Суворина, 1901–1905. — Т. 4: Народное поговование. 1905. — XII, [2], 468 с.

25. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. — М.: Эксмо-Пресс, 2000. — 468 с.

26. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 томах. — М.: Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1957. — Т. I. — 515 с.; 1957. — Т. II. — 510 с.; 1958. — Т. III. — 562 с.

27. Былички и бывальщины Воронежского края / Составитель Пухова Т. Ф. — Воронеж: ВГУ, 2008. — 384 с.

28. Добрава С. И. Морфогенез образного паралле-

лизма макро- и микрокосма в русских народных загадках / С. И. Добрава // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. — 2023. — Том 16. — Выпуск 3. — С. 780–788. — Режим доступа: <https://doi.org/10.30853/phil20230093>

29. Загадки / Сост. В. В. Митрофанова. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. — 256 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Добрава С. И., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: svetdobr@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University

Dobrova S. I., Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Theory, History and Methods of the Russian Language and Literature Teaching Department

E-mail: svetdobr@mail.ru